

— Ты довольна? — Мррр-рр, игра твоя была выше всяких похвал. Признаюсь, мне даже страшно стало на миг, вдруг ты и вправду выполнишь эти угрозы? — Хотелось выполнить, признаю. Я ведь почти не прикидывалась, рассказывая, как далеко в пёчёнках сидят у меня твои фокусы. — В игру, тем не менее, ты включилась с неподдельным азартом, не правда ли? Не выдав ни одним жестом фиктивности происходящего, как истинная актриса. — Ты же за меня срежиссировала едва ли не каждый мой шаг. И успела мне объяснить, что произойдёт в случае чего с накопленным тобой компроматом. — Да ладно тебе, Дашок, думаешь, я бы выдала предкам секреты родной сестры? Ты у меня единственная и неповторимая, других таких нет. Или хочешь сказать, что сама запытала бы меня электричеством? Брось, скажи честно, игра понравилась даже тебе самой. — Ну... это как посмотреть. Если вспомнить... эй, перестань. Что ты делаешь? — Мурр-рррр. А если попробовать так?.. — Пер-р-ре... н-не надо. Разбудишь Максима... — Ты думаешь, он не захочет сам присоединиться к нам? — Он и так еле... еле уснул после того, что ты с ним сотворила. Даже домой возвращаться не стал, бедняга, родственники его прибывают. Зачем ты проделала это с ним? — Полагаешь, ему не понравилось? — Не хлопай невинно глазами, меня этим не обманешь. Зачем ты подвела его к самому краю, остановив лишь в последний миг? Что, если бы ты не успела вовремя? — Я прислушивалась к мельчайшему звуку, выдернуть из петли и откачать мы бы его по-любому успели. Зато какой драматический эффект в финале? — Но ради чего? — Психология, моя милая. Я же тебе рассказывала ещё при обсуждении наших сценариев? Контрастное шоковое воздействие. Ломка «Я-концепции», почти как у гаитянских шаманов, внушающих зомбируемому человеку, что он мёртв и что они похитили его душу. Старое представление человека о себе рассыпается в прах, а место нового занимает заданное шаманом. Стерженёк таинственного Гвестарии треснул и раскрошился, он теперь наш преданный раб? — Твой раб, тогда уж. Я в эти игры не играю. — Да ладно тебе, как будто не ты подала когда-то эту идею? Ты сказала, что хочешь узнать великого и ужасного Гвестарии лучше, я сказала, что могу заставить его поцеловать каждый твой пальчик, помнишь? — Лучше бы я не помнила этого. Если бы я знала тогда, что ты... что ты-ы... — Что я? — Извраще-е-енка... прекрати... — Так ты признаёшь, что я победила в споре? Сделав, как и обещала, гротескного гроссмейстера послушным мальчиком? — Это ещё... бабушка надвое сказала-ала. Твои... дурацкие тео-о-ории... — Сомневаешься, значит. Проверим? ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ — Максим? Его в темноте мягко пихнули под локоть. — Проснись. Ну просыпайся же, соня. Парень заморгал глазами, просыпаясь, не сразу поняв, кто он и где находится. Мгновением позже на него обрушились воспоминания, казавшиеся кошмарным сном, от которых чуть не свело живот, но на смену им явились картины более лучезарные, картины, от которых стало легче дышать и что-то в груди расправилось. Он пошарил под собою рукой, нашупывая матрас — один из трёх, раздобытых неизвестно где сёстрами и припрятанных в заброшенном здании. Проведя рукой в стороне, он нашупал обнажённое плечо Даши. Или Лекки? Как же приятно осязать их обеих рядом, таких реальных, таких жарких, таких живых. Дашку, которая вовсе не оказалась злобным гением, мрачным монстром, чьи нежные руки и мягкие губы удержали его вчера в шаге от срыва и напоили блаженством нирваны. Лекки, чья грудь мерно вздымается и опускается рядом, тепло чьего тела близостью сводит с ума и самим фактом

своего бытия заставляет простить за всё. Он ощущал в себе волну зашкаливающей нежности, прилив распирающего изнутри жара, желание совершить ради них нечто предельное. Хотя, быть может, они не сделали с ним ничего особо хорошего, но до чего замечательно, что они просто есть? — Ты не спиши? — шепнула негромко одна из них. Лекки, да, кажется, Лекки. Максим уже навострился различать их по интонациям. Сёстры вчера, как и он, решили не возвращаться к себе на пике страстей, перешедших в троюродное блаженство под одеялом. Как видно, их отношения с родственниками вполне позволяли подобное, Максиму тогда было не до анализа происходящего, его здравого смысла еле хватило на то, чтобы отослать домой невнятно- успокоительную эсэмэску — с парой невзначай вставленных кодовых слов, дабы предки могли быть уверены, что SMS от него и написана не под давлением. — Нет, — ответил не менее тихо он. Чтобы не разбудить Дашу? Телефон он, конечно, сразу же потом отключил, о чём сейчас немного жалел. Глянуть бы по привычке, сколько на дворе времени? — Вот, возьми. Пальцы Макса сомкнулись на знакомом прохладном корпусе, после чего у него на миг мелькнуло дикое подозрение, что Лекки прочла его мысли. — Твой телефон. Я закачала туда... твоё фото... ну, где ты занимаешься сам знаешь чем. Ты бы не мог, — дыхание Лекки пощекотало его ухо, — сделать для меня кое-что? Он себя чувствовал почти пьяным, аромат Леккиных волос дразнил его обоняние, ему нестерпимо хотелось обнять её. Но он боялся, что она тогда исчезнет, растает как фата-моргана, снова станет ничем? — Что? — хрипло спросил Максим. Кажется, Лекки слегка повернула голову. И — кинула ему в глаза быстрый взгляд, прежде чем продолжить. — Отправить его сестре. Этой, как её, Юлии? Он открыл рот. И снова закрыл. — З-зачем? — глупо спросил он, ощущая, как куда-то проваливается. — Мне бы хотелось этого, — выдохнула она, потёрвшись о его плечо, прижавшись к его виску на мгновенье губами. — Чтобы ты отправил ей это фото, чтобы ты написал в сообщении, что часто мечтаешь о ней, фантазируешь о её теле. Я, наверное, и впрямь извращенка... ты бы мог сделать ради меня это? В интонации Лекки на последних словах скользнула мольба, Максим же невольно вздрогнул, ощущив зарождающуюся внутри туманную вспышку протesta или даже гнева. Но сразу за этим мозг его окатило всплывшей из свежих воспоминаний обжигающе-морозной волной. Ужас и облегчение, петля и табурет, слёзы и поцелуй. — Пожалуйста, Макс, — еле слышно, почти перестав дышать, шепнула она. Сердце его кольнуло. Взор его коснулся экранчика, кончики пальцев оцепенело задвигались по стеклу, включая нужную опцию. Вызов виртуальной клавиатуры для ввода сообщения. «Мне нравится фантазировать о твоём теле, — торопливо, словно боясь передумать, набрал он. — Ты такая красивая». Чувствуя, как его распирает изнутри странным жаром и ознобом одновременно, как экранчик плывёт у него перед глазами, Максим ткнул пальцем в опцию выбора адресата. Абонент — Юлия. Что, интересно, ощутит его сестра, получив подобное? Думая об этом с каким-то отстранённым интересом, словно со стороны созерцая набранное сообщение, Максим поймал себя на всплеске нелепого возбуждения. «Отправить». Мир не сразу улёгся перед его взором после нажатия этой кнопки. Лекки провел а ласково пальцами по его груди. — Макс, — выдохнула она, прижавшись к нему, пощекотав дыханием теперь уже его подбородок и поцеловав в нижнюю губу. — Ох, Макс... Он обнял её в ответ, чувствуя, как естество его восстаёт ото сна, а рука сама собою ползёт по нагой Леккиной спине вниз к её попке. Рубикон так или иначе пройден, так что чего терять теперь? — Ох, Макс, — снова выдохнула она после очередного поцелуя. — Скажи... а тебя, если честно, заводит, что сестра получила это? — Заводит, — поколебавшись, признал он. Что делать, если это было правдой?

